

ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ

В. А. Таболич,

студент юридического факультета

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси

«Международный университет «МИТСО», г. Минск

Научный руководитель:

А. А. Дедковский,

кандидат юридических наук, доцент

заведующий кафедрой адвокатуры

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси

«Международный университет «МИТСО», г. Минск

Уголовная ответственность за данное преступление наступает с шестнадцатилетнего возраста [30, с. 42].

Обязательным признаком основного состава умышленного причинения тяжкого телесного повреждения является вина в форме умысла. При этом виновное лицо может действовать как с прямым, так и с косвенным умыслом [31, с. 62]. Поэтому форма и вид вины подлежат обязательному установлению в целях правильной квалификации содеянного и ограничения его от неосторожного причинения тяжкого телесного повреждения, ответственность за которое предусмотрена в ст. 155 УК [48].

Характерным для этого преступления является то, что оно чаще всего совершается с косвенным умыслом, поскольку его субъектами, как указывалось, нередко являются лица, находящиеся в состоянии опьянения, когда трудно полагать, что они желают причинения именно тяжкого телесного повреждения. Больше для таких ситуаций подходит косвенный умысел, когда виновный не желает, но сознательно допускает наступление указанного последствия либо к его наступлению относится безразлично.

Более того, если лицо действует с прямым умыслом, то им охватываются, как правило, альтернативные варианты причинения телесного повреждения. Оно не может четко предвидеть, какая степень повреждений будет допущена им. Поэтому данное преступление совершается в большинстве своем с неконкретизированным (неопределенным) или с определенным, но альтернативным умыслом. В таких случаях квалификация преступления проводится по фактически наступившим последствиям. Однако такое суждение может привести и к ошибкам в квалификации содеянного. Например, если у лица был прямой умысел причинить потерпевшему тяжкое телесное повреждение, но по независящим от него причинам такое последствие не наступило, а потерпевшему были причинены менее тяжкое или легкое телесное повреждение, то вряд ли правильно было бы квалифицировать содеянное в зависимости от фактически наступивших последствий. В данном случае речь должна идти о более опасном преступлении – покушении на причинение тяжкого телесного повреждения.

В качестве иллюстрации сказанного можно привести следующий пример.

М. и К. на почве личных взаимоотношений стали избивать О. и его товарищей. Проходивший мимо Ш. обратился к М. и К., чтобы они прекратили избиение. Однако те со словами «Бей его!» бросились к Ш. и ударили его цепью по плечу. Один из нападавших замахнулся на Ш. ломом, но Ш. вовремя отскочил в сторону, и лом ударился о мостовую. Потом они ударили Ш. ножом в бедро на близком расстоянии от живота, и нож прошел до кости. Судебно-медицинский эксперт пришел к выводу, что Ш. причинено легкое телесное повреждение без расстройства здоровья. Вследствие этого органы следствия решили, что М. и К. должны нести ответственность за умышленные легкие телесные повреждения без расстройства здоровья. Однако данная квалификация не представляется правильной. Если для квалификации действий М. и К. как покушения на убийство не было еще достаточных

оснований, то с полной уверенностью можно утверждать, что у М. и К. умысел был направлен именно на причинение тяжкого телесного повреждения. Применяя такие орудия, как лом и нож, виновные, несомненно, предвидели, что могут причинить Ш. тяжкие телесные повреждения, и желали наступления такого последствия, которые не наступили по независящим от них обстоятельствам. Поэтому их действия было бы правильно квалифицировать как покушение на тяжкое телесное повреждение. Такая квалификация соответствовала бы степени общественной опасности действий, совершенных виновными [3].

На сложности квалификации содеянного при прямом неконкретизированном умысле, которым охватываются не наступившие как тяжкие, так и менее тяжкие последствия, обращает внимание Н. А. Бабий. Он поддерживает позицию, согласно которой в таких случаях речь должна идти о покушении на причинение вреда. Однако в таких случаях не должно оставаться без внимания предвидение лицом и желание причинения им менее тяжкого вреда. В таких случаях, по мнению Н. А. Бабя, действия виновного следует квалифицировать как покушение на причинение менее тяжкого вреда. Иными словами, таким путем будет соблюден общепринятый подход о решении вопроса в пользу виновного, если для сомнения имеются альтернативные варианты [37, с. 145].

Особенностью субъективной стороны рассматриваемого преступления является также то, что в качестве его квалифицирующих признаков выступают цель (с целью получения трансплантата) и мотивы (корыстные, хулиганские побуждения и др.). При квалификации преступления с учетом указанных признаков необходимо, чтобы у лица действительно имели место именно эти мотивы или цель. В отношении же других квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 147 УК и относящихся к способу (общеопасный, носящий характер мучения или истязания) или к характеристике потерпевшего, следует иметь в виду, что умыслом виновного должны охватываться эти признаки.

Существенной особенностью субъективной стороны данного преступления является и то, что, конструируя диспозицию ч. 3 ст. 147 УК, законодатель использовал сложную вину, установив повышенную ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего [21, с. 232].

Вместе с тем при отграничении этого преступления от убийства и причинения смерти по неосторожности на практике допускается немало ошибок, несмотря на то, что на этот счет даны квалифицированные разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в постановлениях от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» (п. 3) и от 29 марта 2006 г. «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» (пункты 20, 21) [24]. И все же четких критериев для разграничения указанных преступлений, относящихся к количеству травмирующих контактов, орудиям нанесения ударов, области, силе и длительности их нанесения, поведению виновного при возможности дальнейшего нанесения ударов и т. п., до сих пор не выработано.

Нередко в материалах употребляются такие определения, как, например, «нанесение ударов с большой силой» (с какой именно силой?), «длительное время» (какой именно промежуток?), «большое количество ударов» (сколько именно?) и т. п. В связи с этим в каждом случае как следователю и прокурору, так и суду приходится вырабатывать собственные критерии оценки действий обвиняемого и ориентироваться на сложившуюся практику таких оценок, каждый из них принимает решения, руководствуясь личным убеждением. Поэтому одинаковые действия виновных могут быть квалифицированы по различным статьям Уголовного кодекса.

Немаловажное значение имеют заключения судебно-медицинской экспертизы. Но и в них можно встретить недосказанности или противоречия [36, с. 22].

На это указано Верховным Судом, осуществившим обобщение судебной практики по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения. В частности, как показало обобщение практики, некоторые заключения судебно-медицинских экспертов

являются неполными, необоснованными, вызывают сомнения в правильности изложенных в них выводов, что не позволяет судам использовать предоставленные им уголовно-процессуальным законом возможности для устранения возникших неясностей и противоречий [23].

Например, в драке В. нанес П. удары в область головы, от которых он упал на землю, ударился головой и умер. В заключении судебно-медицинской экспертизы говорится, что причиной смерти могли быть как причиненные тяжкие телесные повреждения, так и удар потерпевшего головой об асфальт. При таких неопределенных выводах об объективных признаках содеянного фактически невозможно установить и его субъективные признаки [26].

Следует отметить, что закрепление в ч. 3 ст. 147 УК сложной вины неоднозначно воспринимается как в теории уголовного права, так и в законодательстве ряда государств.

Многочисленные споры относительно такой конструкции квалифицированного состава умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, имевшие место еще в советской науке, имели результатом то, что не все законодатели пошли по этому пути. Например, УК Эстонии, Грузии, Молдовы, Литвы не предусмотрели указанный квалифицирующий признак [49, с. 12].

Отсутствуют подобные составы и в УК некоторых государств дальнего зарубежья. В судебной же практике тех государств, УК которых данный признак содержат, возникает, как и в нашем государстве, немало трудностей при отграничении умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства и от причинения смерти по неосторожности.

Таким образом, по итогам второй главы мы пришли к следующим выводам.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 147 УК, выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, которое следует рассматривать в двух значениях. Во-первых, как одно из ценных благ, естественное право на которое имеет каждый человек с момента своего рождения. В данном определении здоровье характеризует объект преступления. Во-вторых, как фактическое состояние организма определенного человека на момент совершения противоправного посягательства. В этом значении здоровье характеризует потерпевшего от преступления, позволяет правильно определить степень тяжести причиненного вреда.

Опыт построения уголовно-правовых норм Российской Федерации и других зарубежных государств свидетельствует, что использование белорусским законодателем в ст. 147 УК словосочетания «телесное повреждение» не отвечает развитию уголовного законодательства большинства стран и подходу судебной медицины. Автором предлагается использовать понятие «вред здоровью», под которым следует понимать нарушение анатомической целостности либо физиологических функций органов и (или) тканей человека, а также заболевания и (или) патологические состояния, возникшие в результате воздействия физических, химических, биологических, психических или других факторов внешней среды.

Отметим, что термин «психическое расстройство» является более широким и включает в себя понятие «психическое заболевание». Считаем, что существует целесообразность исключения из диспозиции ч. 1 ст. 147 УК слова «заболевание». С целью обеспечения взаимной согласованности уголовного законодательства и Правил судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь предлагается в последнем словосочетание «душевная болезнь» заменить понятием «психическое расстройство».

Можно согласиться с российским ученым С. В. Расторповым, считающим, что проблема двойной формы вины применительно, в частности, к преступлениям против здоровья является в определенной степени надуманной и искаженной по существу [32, с. 64]. На наш взгляд, сам умысел на причинение тяжкого телесного повреждения свидетельствует и о наличии по крайней мере косвенного умысла на причинение смерти. Ведь убийство и совершается путем причинения тяжких телесных повреждений.

В целом же проблема сложной вины в рассматриваемом составе преступления, как нам представляется, требует глубокой научной проработки на основе исследования предвидения виновным наступления смерти в каждом конкретном случае совершения этого деяния, а также оценки других обстоятельств, которые могут служить критериями разграничения указанных преступлений.

Список использованных источников

1. Примаченок, А. А. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : с учетом изм. и доп., внесенных в УК по состоянию на 25 марта 2010 г. / А. А. Примаченок. – 8-е изд., изм. и доп. – Минск : ПТЧУП «Молодежное», 2010. – 175 с.
2. Пудовочкин, Ю. Е. Ювенальное уголовное право : теорет.-метод. и истор.-правовые аспекты / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – 220 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Архив суда Чаусского района Могилевской области за 2016 г. – Дело № 16/0524.
5. Судебная практика по уголовным делам: вопросы уголовного и уголовно-процессуального права : сб. действующих постановлений Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, обзоров судебной практики, постановлений и определений кассационных и надзорных судебных инстанций за 2005 – 2009 гг. / сост. Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2010. – 903 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
7. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Судебно-медицинские экспертизы живых лиц : монография / В. В. Колкутин, Ю. И. Соседко, Г. А. Фастовцов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 248 с.
9. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2008. – Т. 2. – 141 с.
11. Ширяев, В. А. «Раздвоенная» форма вины как уголовно-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Ширяев ; ЮИ МВД России. – М., 1998. – 26 с.
12. Расторопов, С. В. Преступления против здоровья человека. Субъективная сторона / С. В. Расторопов // Закон и право. – 2003. – № 9. – С. 61–65.